

НОВОЕ ТЕЛО

АННА ИВАНОВА

АННА ИВАНОВА

Серия "Инженеры будущего"

Инженеры будущего

Анна Иванова

Новое тело

«Автор»

2026

Иванова А.

Новое тело / А. Иванова — «Автор», 2026 — (Инженеры будущего)

2212 год. Озоновые фабрики выходят из строя. Миллионы детей гибнут от радиации. Дочери инженера Марии Шуховой осталось жить всего восемь месяцев. Команда Марии — биоинженер-гений Макс, стажёр Костя и саркастичный ИИ ЛАНДАУ — должны переписать клетку и сделать её бронёй от ультрафиолета. Здесь нет магии. Только работа инженеров: провалы, выгорание, преодоление. Тихоходка, светлячок, теория цвета — то, где герои находят решения. Каждый тест ведёт к новой проблеме, каждый успех приближает к спасению дочери. Но когда алгоритм работает, выясняется страшное: технология с вероятностью 20% стирает личность. Что выбрать: спасти ребёнка ценой его личности или не спасать вовсе?

© Иванова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Анна Иванова

Новое тело

Глава

Глава 1.

– Чёрт, она опять сдохла.

Макс уныло смотрел на голограмму клетки, похожую на изюм. Из динамика послышался треск, напоминающий смешок.

– Не проси меня избавиться от улик. Я бессовестный ИИ, но у меня есть принципы.

– Лучше бы у тебя было решение, умник.

ЛАНДАУ тяжело вздохнул.

– Гений, за последние тридцать семь часов без сна ты моргнул три раза, выпил четыре чашки кофе и половину пятой вылил себе на футболку. Ещё одна такая ночь, и тебе уже не нужно будет переписывать природу – ты просто не доживёшь до климатической катастрофы.

Макс ненадолго замер, а потом беззаботно произнёс:

– Я инженер. Мне не нужно доживать до катастрофы – я просто её не допущу.

ЛАНДАУ снова попытался издать презрительный смешок.

– Не лги. Инженеры не выглядят, как бродяги. А твой вид портит эстетику этой лаборатории.

– Ну а с видом моим, что не так? – Макс неосознанно поскрёб щетину.

– Для такого даже метафоры ещё не придумали. Умойся.

Макс поднял край футболки и не глядя протёр лицо, продолжая второй рукой что-то печатать.

– Я сказал – умойся, а не вытри грязь такой же грязной тряпкой.

– Какого чёрта в тридцатник я должен слушаться «цифровую няньку»? – выпалил Макс и поплёлся в сторону душевой.

Через десять минут он выполз весь мокрый, натягивая чистую футболку с надписью «У меня работает».

– Гений, если ты не начнёшь есть, – отозвался ЛАНДАУ, – то тебя сошлют в медицинский колледж для изучения анатомии.

Макс от неожиданности выпрямился и ударился головой об косяк. Всё ещё злобно потирая ушибленный лоб, он пробурчал:

– Мама говорит, что я красивый. Отвяжись.

Продолжая вытирать волосы, Макс прошлёпал босиком сквозь всю комнату и развалился на стуле. От воды его тёмные волосы начали виться ещё сильнее, из-за чего он окончательно взбесился.

В следующую минуту свет заморгал, как на сельской дискотеке, монитор погас и заново включился.

– Какого чёрта происходит? – зарычал Макс.

– Ты слишком злобно зыркал в сторону динамиков и устроил короткое замыкание, – наивно отозвался ЛАНДАУ.

– Ты издеваешься, умник?

– Да. Но если тебе всё ещё интересно, то это сбой в электросетях города. Озоновая фабрика «Атмосфера-5» опять барахлит.

Макс недовольно бросил полотенце в угол, почти уронив цветок, о котором бережно заботился.

– Я, конечно, понимаю, что сто лет назад творилось полное дерьмо и нужно было как-то выжить в климатическом аду. Но с чего они решили, что стряпать синтетический озон и ставить заплатки на озоновый слой – это выход?

– А что бы сделал ты, гений?

Макс усмехнулся, мечтательно закинул руки за голову и посмотрел в потолок – туда, где за подвесными панелями прятались серверы.

– Да просто взял бы и «хакнул» Землю. Переписал бы её под себя: биосферу, атмосферу, радиационный фон – всё. И тогда уже плевать, есть ли озоновый слой или нет.

Из динамика послышался вкрадчивый голос:

– Надеюсь, ты не планируешь нарушить ещё и закон Ньютона?

– Иди ты! Я, конечно, люблю воевать с природой, но не дурак же переписывать физику. Гравитация мне пока нравится. А вот остальное...

Он не успел договорить. В кабинет вошёл худощавый белобрысый парень лет двадцати с горящими глазами и сияющей улыбкой на лице. Макс с недовольством окинул его взглядом, особенно нахмурившись на полное отсутствие надписей на футболке.

– Ты чего, потерялся пацан?

Парень от неожиданности моргнул и даже забыл поздороваться.

– Смееу заметить, – отозвался ЛАНДАУ, – это наш стажёр, Константин Королёв. Уже как две недели в отделе работает. Отрывайся иногда от экрана, гений.

Макс ещё раз посмотрел на Костю оценивающим взглядом и с ухмылкой сказал:

– Ха! Королёв, значит? Ну, проходи, академик. Будешь космос отсюда покорять.

Сняв с вешалки лабораторный халат, Костя уверенно прошёл к своему столу слева от Макса и уткнулся в планшет. В какой-то момент Макс надоело за ним наблюдать, а потому он потянулся к кнопке видеосистемы и включил новости.

– ... очередная вспышка на Солнце, – диктор говорил с беспристрастным лицом. – Лейпциг накрыло сильнейшее ультрафиолетовое излучение с 2207 года. Искусственный озоновый слой с фабрик не справился. По предварительным оценкам, сильные ожоги получили более двух тысяч людей. Врачи фиксируют первые случаи появления радиационного синдрома у взрослых с ослабленным иммунитетом.

Макс молча смотрел на экран, где мелькали кадры из Лейпцига – люди в масках, машины скорой помощи, дети с капельницами.

– В прошлом месяце таких городов по всему миру было десять. В этом – уже тринадцатый. А ещё только зима.

– И что же делать? – спросил Костя, взволнованно смотря новостные сводки.

– Как что? – усмехнулся Макс. – Переписывать природу. Вот Марья Николаевна придёт, и сразу начнём.

Глава 2.

– Гайка, пора вставать – тебе пора в школу.

Мария легонько потрясла дочь за плечо. Поля что-то пробормотала и, не открывая глаз, отвернулась к стене с голограммой пряничного города.

– Ещё спит? – Андрей стоял в дверях, аккуратно зачёсывая местами седеющие волосы.

Мария обернулась на звук его голоса – мощная фигура с военной выправкой занимала практически всё пространство двери. Не дожидаясь ответа, Андрей подошёл к кровати и нежно потрогал лоб дочери.

– Горячий. И дышит тяжело.

Окинув жену внимательным взглядом, он заметил, как она побледнела от волнения, а потому легонько схватил её за курносый веснушчатый нос.

– Только такой инженер, как я, мог жениться на лохматой Шуховской башне.

Мария подняла одну бровь.

– Простите, Андрей Владимирович, но до того Шухова Вам ещё расти и расти.

Затем она устало улыбнулась и потрепала мужа по волосам, из-за чего аккуратно уложенная чёлка упала ему на глаза. Андрей невозмутимо зачесал её пальцами назад, взял Полю на руки и сказал:

– Марусь, собирайся пока. Я её одену.

Мария посмотрела в зеркало – времени на укладку не было, поэтому она решила собрать волосы в хвост. Пальцы дрожали, из-за чего длинные золотистые пряди постоянно выбивались и падали на плечи.

Андрей уже стоял в коридоре, укутывая дочь в зимнюю курточку. Поля обвисла на его руках, как тряпичная кукла. Мария на секунду застыла, глядя на них, а потом схватила пальто и прошептала:

– Поехали. Я уже позвонила в больницу – нас ждут.

Транспортная капсула тихо летела по утреннему Петербургу. По дороге мелькали неоновые вывески, которые уже бледнели на фоне лилового рассветного неба. На каждом углу стояли щиты с надписью: «С 12:00 до 15:00 будьте предельно осторожны!» – суровое напоминание о том, что мир медленно умирает.

Больница встретила их запахом антисептика и стерильной тишины. Робот-медсестра молча забрал Полю из рук Андрея. Та даже не проснулась, когда механические руки переложили её на каталку.

Через несколько минут к ним вышел маленький седой врач, который, не отрывая взгляда от планшета, сказал:

– Сделаем тесты. Перезвоним по результатам.

Андрей шагнул в его сторону и навис над ним. Его и без того жёсткие черты лица приобрели хищный вид.

– Вы даже не посмотрели на неё. На мою дочь.

Врач впервые поднял на него взгляд – глаза были красные и немного опухшие.

– За последний час это уже седьмой ребёнок. Я обязательно осмотрю Вашу дочь, – сказал он и исчез за дверью.

Андрей стоял, всё ещё сжав кулаки, и тяжело дышал сквозь зубы. Мария молча потянула мужа за рукав к выходу.

Сев в автолёт, он с силой ударил кулаком по рулю, из-за чего взвизгнул клаксон и резко включился выпуск новостей. От неожиданности Мария даже вздрогнула.

– Мы взяли интервью у директора фабрики «Атмосфера-5», – монотонным голосом сказал диктор. – По его словам, к 2217 году озонаторы окончательно выйдут из строя, и мы снова окажемся на пороге климатической катастрофы, как и сто лет назад.

Мария выключила новости и обессиленно откинулась на спинку сидения.

– Пять лет...

Андрей нажал на кнопку зажигания, и автолёт плавно взмыл в воздух.

– Значит, решим проблему за два года – мы же инженеры, – с усмешкой сказал он, продолжая следить за дорогой.

Повернувшись к окну, Мария устало улыбнулась.

– И правда.

Глава 3.

В зале заседаний было многолюдно. Мария плюхнулась на стул рядом с мужем и нагло отпила чай из его чашки с надписью: «ЗАСЛОН: утром – кофе, днём – железо».

Андрей забрал у неё чашку и усмехнулся:

– Значит, сегодня дома включаем мою любимую голограмму – тропический пляж.

Мария покачала головой, намекая, что за тропический пляж ему ещё придётся побороться.

Голоса стихли, когда в зал вошёл председатель Техсовета – Пётр Семёнович Кузнецов. Он быстро со всеми поздоровался и перешёл к сути:

– Думаю, по озоновым фабрикам новости все слышали. Рано утром позвонили из Правительства – будет заказ на крупный проект. От нас требуют найти решение, чтобы люди не сгорели через пять лет. Срок – два года. Бюджет – пятьдесят миллиардов на компанию.

В зале зашептались, с тревогой обсуждая новые сроки. Андрей поднял руку. Кузнецов кивнул ему, давая слово.

– Предлагаю защитные купола. Сейчас они накрывают все стратегические объекты страны. Масштабируем их на города, доработаем герметичность и устойчивость к радиации. Сделаем за 35–40 миллиардов.

– Это хорошее предложение. Сможешь уложиться в установленный срок?

– Так точно.

Мария сжала кулаки под столом, но голос её был спокоен.

– То есть вы хотите загнать людей в стеклянные «тюрьмы»?

– Ну, почему же тюрьмы? – голос Андрея был спокоен. – Отдел климатических технологий согласился адаптировать для нас регулируемую климатику.

– И что, вы будете включать весну по расписанию?

– Если потребуется, мы и снег по расписанию будем включать.

Мария пристально посмотрела на мужа, потом перевела взгляд на Кузнецова.

– Предлагаю создавать биотело, полностью устойчивое к радиации. Сама технология обойдётся нам дешевле, но нужно будет доработать «умные палаты» в больницах.

– Мария Николаевна, – перебил её Андрей. – Ваша технология, возможно, дешевле, но доработки «умных палат» тоже стоят денег.

– Согласен, – поддержал его Кузнецов. – Нам придётся выгонять людей на работу в выходные. А это не только выгорание, но и сверхурочные. И всё это ради Вашей авантюры?

– Пётр Семёнович, мой проект не авантюра, – сказала Мария. – В его основе семь лет наработок по программированию материи, иммунитета и выращиванию отдельных органов. Всё это госзаказы, а значит, заказчик уже знаком с работой моего отдела.

Кузнецов нахмурился. Он достал планшет и открыл наработки, о которых упомянула Мария, – продукт действительно хорошо продавался.

– Хорошо, – он отложил планшет в сторону. – Так как конкуренция в отрасли на этот заказ высокая, пойдём в оба проекта. Смотрю, что база есть, наработки тоже.

Он сделал паузу, а потом уже жёстко добавил:

– Надеюсь, мне не надо никому напоминать, что этот заказ важен для компании. Сорвёте сроки или не дадите внятного результата – проект закроют без объяснений. Все свободны.

Глава 4.

Макс с нетерпением ждал прихода Марии и новостей по их проекту. Чтобы скоротать время, он развернулся к голограмме, складывая в голове весь процесс как разноцветную мозаику. Его пальцы двигались в такт мыслям, будто набирали готовый код. В какой-то момент он замер.

– ЛАНДАУ, рассчитай, какие у нас есть физические ограничения.

– Согласно моим расчётам, для перестройки всего организма потребуется энергия в 335 тысяч килокалорий.

Макс на секунду опешил, а потом присвистнул.

– Это же как запихать в нашего академика десять тысяч пельменей. Попросим бабу Шуру не кормить его обедами, а то лопнет.

Костя удивлённо посмотрел на Макса.

– Ты назвал робота-раздатчика еды бабой Шурой?

– Ну а чего такого? – довольно ухмыльнулся Макс. – За это он мне отваливает на десять граммов больше кофе.

Послышался строгий голос ЛАНДАУ:

– План на сегодня: отформатировать бабу Шуру, иначе у нашего гения слетит крыша от кофеиновой интоксикации.

Костя хихикнул, представляя реакцию Макса на обновлённую «бабу Шуру». Тем временем ЛАНДАУ невозмутимо продолжил:

– Для переработки такого количества килокалорий потребуется много тепла.

– Сколько? – спросил Макс с явным неудовольствием.

– От трёхсот до пятисот градусов Цельсия.

Макс громко рассмеялся, смахнул слезу и, повернувшись к Косте, выпалил:

– А пельмени-то будут варёными. Королёв, будешь у нас и закуской, и кастрюлькой.

Костя кинул в Макса стилус, который тот с лёгкостью перехватил и сунул за ухо. На минуту Макс глубоко задумался: на клетках такие ограничения не решить, а значит, они наверняка выскочат во время тестов на животных. Он бросил грустный взгляд в сторону Кости, который с интересом разглядывал длинные портянки кода. Такому в институтах не учили – придётся закаляться «в бою».

Макс порылся в верхнем ящике стола и вытащил оттуда бутафорскую курительную трубку. Костя на минуту опешил.

– Это что, как у Шерлока Холмса?

Макс сунул трубку в зубы и самодовольно ухмыльнулся. Косте настолько понравилась эта идея, что он приосанился и сказал:

– Выходит, я буду доктором Ватсоном.

– Ага, держи карман шире, академик. Пока ты тянешь только на того классного рыжего пацана, который приносит гению информацию.

– Вот стану я инженером, – мечтательно сказал Костя, – превращу Землю в райский сад, а тебя туда не пущу.

Макс потрепал Костю по голове и вернулся к созерцанию голограммы. Затянувшись и выдохнув воображаемый дым, он не без удовольствия протянул:

– Будем расследовать дело об убийстве.

– Что-что? – не понял Костя.

– Смотри, – Макс ткнул трубкой в экран с моделью человека. – Это наша жертва. Преступник нам известен – солнечная радиация. А значит, нам нужно поймать этого преступника и обезвредить.

– И как мы будем это делать?

– Элементарно, Королёв. Мы изучим улики и выйдем на след – всё в лучших традициях детектива.

Макс бросил взгляд на Костю. Тот сидел немного ошалевший, пытаясь понять, что от него хотят. Макс тяжело вздохнул и продолжил:

– На месте преступления есть улики – пигмент. Решим эту задачку, найдём зацепки.

– А если этого будет недостаточно?

– Значит, будем делать вскрытие, – Макс поморщился. – Пойдём на уровень ДНК.

– А иммунитет?

– О, – протянул мечтательно Макс. – Это наш инспектор Лестрейд, который вечно путается под ногами. С ним придётся повозиться. Но мы уже привыкли на других проектах.

– Надеюсь, в этой схеме я не миссис Хадсон? – послышался насмешливый голос Марии со стороны дверей.

Макс от неожиданности чуть было не слетел со стула. В динамике послышалось шипение, а потом писк.

– Марья Николаевна, – сказал ЛАНДАУ, – боюсь, что миссис Хадсон – это я. Стойко переношу сомнительные идеи гения, навожу порядок в его алгоритмах, а заодно веду записи вашим провалам.

– Обнадёживающе, – с лёгкой усмешкой сказала Мария, скрестив руки на груди. – А теперь к делу. Нам дали добро на проект. Срок исполнения – два года.

Макс победно вскинул кулак, повернулся к компьютеру и набрал короткий запрос. Над столом вспыхнула голограмма человека.

Глава 5.

Мария внимательно изучала голограмму. Перед тем как с головой погружаться в создание биотела, нужно было понять, что сломается в старом, а потом уже чинить.

– ЛАНДАУ, подсвети зоны, которые больше всего пострадают от агрессивного ультрафиолета, высоких температур и на всякий случай кислотности атмосферы.

Динамик щёлкнул, оттуда послышался монотонный голос:

– Марья Николаевна, советую Вам пересмотреть идею переезда на Венеру. Рабочий день увеличится до 243 дней при сохранении зарплаты.

Мария закатила глаза, а потом посмотрела на Макса.

– ЛАНДАУ, – ухмыльнулся Макс, – отставить режим «Марья Николаевна – наше всё».

Мария не злилась на Макса, но иногда ей казалось, что это он двадцатилетний стажёр, а не Костя.

– Шутки в сторону. ЛАНДАУ, выполняй поставленную задачу.

Картинка изменилась: сверху тело покрывала светящаяся сетка, напоминающая каркас, внутри мерцали разноцветные точки, которые сливались в очертания внутренних органов – это были клетки. Неожиданно вся голограмма вспыхнула красным, и над ней появилась надпись: «Биологический агент уничтожен».

ЛАНДАУ вывел на экран увеличенное изображение клетки – тлеющий уголёк.

– Разрушена мембрана. Полное повреждение ДНК. Расчётное время уничтожения организма – 0.94 секунды.

Макс присвистнул.

– Марья Николаевна, я так понял, что наша задача – превратить «одну секунду» в «никогда»?

Мария улыбнулась и кивнула.

– Верно мыслишь. Выведи, что у нас сейчас есть для базы.

Макс открыл внутренний поисковик и начал что-то быстро печатать. Над голографическим столом вспыхнуло три окна.

– Вот что удалось найти.

Мария пробежалась глазами.

– Хм, биопластыри, матрикс и программируемый иммунитет? Похоже на правду.

Макс в это время хитро смотрел на Костю, который кивал на каждое слово Марии и старательно делал вид, что всё понимает. Мария перехватила этот взгляд.

– Костя, это наша работа, наша гордость, – мягко пояснила она. – Макс, покажи подробнее.

Макс встрепенулся – ему нравилось хвастаться своим кодом. Порывшись в карманах, он встал и со всей дури наклепил Косте что-то на лоб. Тот быстро отковырял наклейку – в руках у него оказался прозрачный пластырь. На свет пластырь выглядел, как обычная плата: маленькие канальчики и точки.

– Что это?

– Как что? – притворно удивился Макс. – Биопластырь. Мы делали его семь лет назад для МЧС – им тогда нужны были средства для быстрого заживления ран. Сейчас это будет нашей базой.

– Хочешь сказать, что мы будем человека обклеивать пластырями?

Макс ошарашенно уставился на Костю, но его прервал ЛАНДАУ:

– Перевожу с языка Ершова на русский. Мы уже умеем программировать клетки под определённые задачи. Смотри.

Над столом вспыхнула голограмма, напоминающая рану. Её покрывала прозрачная плёнка, от которой потянулись светящиеся нити к краям раны. По нитям бежали белые огоньки, которые, столкнувшись с клетками, сразу меняли цвет: красный – мышцы, жёлтый – кожа, зелёный – нервы. Рана постепенно затягивалась, пока не исчезла полностью.

– Ого, – протянул Костя. – Выглядит впечатляюще. А что там с остальными наработками?

– Остальное, – Мария кивнула на экран, – поможет нам достроить тело.

Костя внимательно изучал описания проектов: это был титанический труд, который можно брать за основу, но что-то не давало ему покоя.

– Ну, допустим, тело мы достроим. В конце концов, мы уже научились выращивать внутренние органы. А иммунитет-то мы как запрограммируем? Он наш самый главный враг.

Макс закатил глаза, всем своим видом показывая, что его гений не справляется с таким наплывом глупых вопросов.

– Иммунитет мы научились программировать, когда разрабатывали лекарство от рака.

– Что? – Костя вздрогнул.

Макс нахмурился и пробурчал:

– Не веришь мне, академик?

Костя быстро заморгал, его губы задрожали.

– Просто матушку в прошлом году от рака вылечили. Я не знал, что это ваши наработки.

Макс отвернулся к компьютеру и прокашлялся. Костя нахмурился, переваривая всё сказанное, а потом бодро выдал:

– Выглядит довольно просто.

Макс удивлённо поднял брови, а потом нажал несколько кнопок на виртуальной клавиатуре. Голограмма начала переливаться разными цветами, по ней бегали строчки кода, клетки вспыхивали то серым, то красным, то зелёным. От этого калейдоскопа Костю начало мутить. Он опустил на стул и простонал:

– Что это?

– Это, – Макс ткнул во всё ещё мигающую голограмму. – Семь лет нашей работы: три года проб и ошибок по пластырям, два года – по матриксу и иммунитету. Это звучит просто, а на деле – это кропотливый труд, из-за которого иногда хочется выть.

«Показательную порку» прервал голос ЛАНДАУ:

– Марья Николаевна, Вам личный звонок из больницы.

Мария неосознанно вцепилась в халат. Макс перехватил её жест, подошёл и тихо сказал:

– Иди. Мы тут пока всё подготовим.

Коротко кивнув, Мария схватила с вешалки пальто и выбежала из лаборатории, по дороге набирая номер мужа на ручном коммутаторе.

Глава 6.

Мария влетела в приёмную врача и увидела Андрея. Тот шагал из стороны в сторону, сел на стул, а потом снова вскакивал, по дороге сшибая посетителей. Мария подошла к нему, чтобы успокоить, но тут их обоих пригласили в кабинет.

За столом сидел маленький седой человечек. Он поднял усталый взгляд на вошедших и жестом пригласил их сесть. Мария села на стул рядом с мужем. Она боялась того, что скажет сейчас врач. Пальцы стали холодными, почти ледяными. Андрей накрыл своей тёплой рукой её руки и крепко сжал.

– Мы провели тестирование, – начал врач, – диагноз подтвердился – радиационный синдром.

Мария вцепилась в Андрея. Тот продолжал смотреть на врача, ожидая дальнейших объяснений.

– Врать не буду, – продолжил врач. – Из-за того, что за последние годы радиационный фон вырос, болезнь стала не просто смертельной, но и скоротечной. Дети с ослабленным иммунитетом...

– Меня не волнуют другие дети, – жёстко прервал его Андрей. – Говорите о Поле.

Врач прокашлялся.

– У неё уже началось отмирание клеток мозга, а особенно гиппокампа.

Андрей нахмурился.

– Послушайте, я не врач. Вы можете мне объяснить, что происходит с моей дочерью?

Врач какое-то время устало смотрел на Андрея – каждый день ему задавали одни и те же вопросы, на которые ему приходилось давать страшные ответы.

– Ультрафиолет влияет на клетки растущего организма, – наконец, сказал он. – В ближайшее время состояние Вашей дочери начнёт резко ухудшаться: не только слабость, но и выпадение волос, головные боли, постепенная потеря памяти.

– Какой прогноз? – прохрипел Андрей.

– Восемь – максимум десять месяцев. Потом смерть.

Марию начало трясти. Она на секунду увидела лицо Поли, измазанное в муке, когда они лепили пельмени на Новый год. А теперь её дочь не доживёт до конца этого года?

– Мы можем немного сдержать течение болезни, – продолжил врач, – если вы оставите дочь в больнице. У нас стены обшиты мощными свинцовыми щитами. Они полностью защищают от радиации.

– Как в гробу... – только и смогла произнести Мария.

Андрей сильно сжал её руку, пытаясь привести в чувства.

– Но ведь и дома защищают, – сказал он.

– Не полностью. Её тело не выдержит даже рассеянной радиации.

– Значит, ей просто нужно новое тело? – прошептала Мария.

Оба мужчины посмотрели на неё: врач – с жалостью, муж – с сомнением.

– Сейчас я ей дал седативные, поэтому она проспит до вечера. Можете зайти после восьми.

Они вышли из кабинета врача. Мария всё ещё не могла прийти в себя от этой новости. На мгновение она бросила взгляд в сторону открытой палаты. Около пустой кровати, на которой сиротливо лежала маленькая подушка без наволочки, сидела женщина и тихо плакала в маленькое детское платице. Мария почувствовала, как теряет сознание. Андрей подхватил её за руку и вывел на улицу.

Они шли по узкой улочке, на которой кипела жизнь: над головами сновали автолёты, по домам карабкались роботы-доставщики еды, люди спешили по своим делам.

По дороге им попался небольшой сквер с огромными деревьями, укрытыми снегом, и резными скамейками – такие были раскиданы по всему городу. Мария замерла и с тревогой посмотрела в сторону детской площадки. Там, на качелях, качалась девочка, примерно Полиного возраста. Она так радостно визжала, что Мария на долю секунды улыбнулась, а потом перевела взгляд на скамейку, на которой сидела мать девочки. Та счастливо смеялась и что-то говорила, но слов не было слышно.

Андрей смотрел на жену не отрываясь. В его глазах была тревога, смешанная с болью.

– У них, – голос Марии дрогнул, – у них всё хорошо. А у нас?

Она обернулась и не смогла сдержаться: слёзы потекли по щекам, она вытирала их рукавом, размазывая тушь. Андрей притянул её к себе, уткнулся носом в макушку и прошептал:

– Марусь, мы что-нибудь придумаем.

Она кивнула, немного отстранилась и, улыбнувшись сквозь слёзы, сказала:

– Пойдём. Нам надо работать.

Андрей опустил голову.

– Я сегодня на полигоне допоздна, – прошептал он и, поцеловав её в щёку, добавил: – Ложись спать пораньше.

А потом развернулся и пошёл в сторону транспортной капсулы. Мария проводила его взглядом: Андрей шёл, сторбившись, не замечая дороги. Впервые она увидела своего мужа таким – для неё он всегда был нерушимой стеной, а сегодня...

Она тряхнула головой, отгоняя грустные мысли, толкнула дверь и вошла в здание офиса.

Глава 7.

Андрей смог добраться на полигон только через час – началась снежная буря, и вести автолёт стало сложнее. Перед прототипом купола сосредоточенно курил папироску Сергей Черепанов – старый инженер, которого в «Заслоне» уважительно называли Петрович. В своё время ему предлагали должность руководителя отдела, но он лишь отмахнулся:

– Такому динозавру, как мне, сподручнее работать руками. Пусть молодёжь воюет на советах.

С этого момента они работали с Андреем в связке: сначала как наставник – ученик, потом как коллеги, а сейчас в свои сорок Андрей руководил крупным отделом, хотя отдельные проекты продолжал вести только с Петровичем.

– Чего такой хмурый? – спросил его Андрей.

Петрович сплюнул и снова уставился на купол.

– Да журналюги в новостях сказали, что, мол, немцы уже свои купола делают и в конце года продавать будут, а российским инженерам, видите ли, опять противопоставить нечего. Уроды!

Андрей вытащил из зубов Петровича папиросу, затянулся и выкинул в ближайшее мусорное ведро.

– Сдурел на полигоне курить? Хочешь, чтобы я тебя премии лишил?

Петрович только усмехнулся.

– А я себя так воякой чувствую. Из инженерных войск.

Повисла пауза, во время которой оба разглядывали огромный сверкающий купол. Андрей прокручивал в голове события сегодняшнего дня.

– Как там малая? – прервал его мысли Петрович.

Андрей сглотнул, а потом процедил сквозь зубы:

– Синдром.

Петрович громко выругался.

– Серёг, – сказал неожиданно Андрей, – мы сможем сделать купол за восемь месяцев?

Тот покачал головой.

– Прости, командир. За все сорок лет, что я работаю инженером, ещё никто не смог сделать глобальный проект за месяцы. Даже за год будет сложновато.

Андрей отвернулся, чтобы Петрович не мог видеть его лица, и коротко сказал:

– Понял. Работаем.

Глава 8.

Мария поднялась в свою лабораторию. Перед дверью она немного задержалась, мысленно досчитала до десяти и нажала на кнопку. Макс с Костей синхронно подняли взгляд, но ничего не спросили. Мария вошла внутрь, надела халат и объявила:

– У нас новый срок – восемь месяцев.

Макс поперхнулся, но спорить не стал – он видел по её лицу, что дело серьёзное.

– Сроки сжатые, – продолжила Мария, – поэтому график работ будет очень плотным. Макс, на чём мы можем сэкономить время?

Макс закрыл глаза, перебирая в голове различные варианты, потом повернулся к компьютеру, набрал пару коротких строчек и вывел на экран.

– Этот тест – сырая наработка. Начал где-то с месяц назад писать после того, как в очередной раз завис над поиском ошибки.

– И что он делает?

– По задумке, он должен сразу подсвечивать, где ошибка и как её исправить, – Макс довольно улыбнулся. – Я назвал его «гениальным тестом».

Мария нахмурилась, слушая объяснения Макса. С одной стороны, это была отличная новость, но брать непроверенную наработку при сжатых сроках – большие риски.

– За сколько сможешь дописать его?

Макс задумался, барабанил пальцами по столу, будто быстро набирал код.

– К вечеру управлюсь – ядро-то написано.

Мария облегчённо выдохнула: это действительно может сработать.

– Тогда ждём тебя, а пока, – она кинула хитрый взгляд на Костю, – мы подумаем над менее героическим названием.

Макс хмыкнул и ушёл с головой в работу. Он поднял взгляд от экрана, только когда Костя в очередной раз менял ему кружку с кофе. Тот ароматно дымился, из-за чего у Макса заурчало в животе. Костя хихикнул и сунул ему в рот шоколадное печенье, которое захватил с утра.

Макс с благодарностью кивнул и, откинувшись на спинку стула, отхлебнул кофе. Тесты были готовы, оставалось проверить их надёжность.

– ЛАНДАУ, запускай проверку алгоритма на каком-нибудь неочевидном сбое.

По экрану побежали десятки строчек, тестирующих состояние ДНК. Справа от Макса вспыхнула разноцветная голограмма, в которой после каждой строчки кода зажигался тот или иной участок. Через минуту тест остановился, ДНК замерла, а в центре светилась ярко-красная точка.

Костя с удивлением наблюдал за этой картиной, периодически переводя взгляд на Марию. Та подошла к голографическому столу и коснулась пальцем горящей точки. Моментально появилась надпись: «Ошибка в 245-й аминокислоте, замените серин на лейцин».

– Идеально!

Макс продолжал грызть печенье, с удовольствием наблюдая за ней. Его мысли прервал Костя:

– Тогда как насчёт того, чтобы назвать его «Просто тест, но быстрее»?

Макс перевёл взгляд на Костю.

– Обалдел, академик? К моим алгоритмам вообще нельзя применять «просто».

– Тогда что насчёт «адаптивного тестирования»? – улыбнулась Мария. – Звучит и сложно, и «по-Максовски».

Динамик звонко пискнул.

– Марья Николаевна, – сказал ЛАНДАУ, – не рекомендую брать нашего гения за эталон. По моим расчётам, он и так на грани эволюции в унылую машину.

– И какой вариант предлагаешь ты, умник? – буркнул Макс.

Повисла пауза, во время которой ЛАНДАУ прогонял на экране тысячи вариантов. Неожиданно Макс ткнул пальцем в один из них:

– А это что ещё такое?

– «Критерий Ершова»? – прочитал ЛАНДАУ. – Гениальная разработка твоего однофамильца. Даю ей оценку 10 из 10.

Макс откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и мечтательно произнёс:

– Критерий Ершова... Мне нравится, – он перевёл взгляд на Марию. – Ну что, Марья Николаевна, будем работать по «критериям Ершова»?

Она ещё раз пробежалась глазами по результатам тестов, а потом приняла решение:

– Да, работаем. Макс, на тебе будет код.

Он бодро отсалютовал. Мария повернулась к Косте, который с нетерпением ждал, какую роль дадут ему в проекте.

– Костя, пока буду учить тебя выращивать клеточные колонии для тестов. Потом это уже будет твоей основной задачей, – она немного задумалась, а затем улыбнулась. – После кода это одна из самых важных задач. Доверяю это тебе.

Макс бросил хитрый взгляд на Костю, который теперь сиял от важности, и решил подколоть, но потом передумал – пусть парень порадуется.

Мария продолжила:

– На мне настройка оборудования и контрольные тесты. Скорее всего, будут часто дёргать в Министерство, так что ЛАНДАУ за старшего.

– Чего? – Макс даже опешил от такой несправедливости.

Мария улыбнулась ему и сказала:

– Как только докажешь, что ты взрослый, передам пальму первенства тебе. А теперь по домам – с завтрашнего дня приступаем к пигменту.

Когда все разошлись, Мария выключила голограмму и направилась к выходу. Она хотела набрать Андрея, но вовремя вспомнила, что он сегодня допоздна на полигоне. На выходе из офиса её практически сшиб с ног зимний ветер. Она только сильнее укуталась и пошла в сторону дома.

Глава 9.

Костя вихрем влетел в лабораторию, румяный от мороза, извинился за опоздание и сел рядом с Максом.

Тот бросил на него насмешливый взгляд, сунул руку в ящик стола и вытащил трубку. Нахмутив брови, он вальяжно затянулся воображаемым дымом и сказал:

– Начинаем расследование убийства. Найдена первая улика – пигмент.

Мария опешила. Несмотря на то, что она уже десять лет работала с Максом, каждый раз он выдавал всё новые и новые перлы. Макс бросил на неё взгляд, вытащил трубку изо рта и прокашлялся.

– Какой план, Марья Николаевна?

Мария ещё раз пробежалась глазами по своим заметкам и сказала:

– У нас есть два варианта: либо медь, либо селен.

Костя начал быстро искать в институтских лекциях подходящую информацию. Макс с интересом наблюдал за ним.

– Вот представь, Королёв: есть у нас стажёр, который задаёт глупые вопросы. Жалко его как-то сразу выкидывать, вдруг и правда академиком станет. Поэтому проще научить его уму-разуму.

Он набрал короткий код на экране компьютера и вывел голограмму двух клеток: в одной пигмент отливал медью, во второй в специальных капсулах плавали красные молекулы селена.

– Как и сказала Марья Николаевна, – продолжил Макс, – у нас два варианта: либо кормить стажёра медными печеньками, но не факт, что он станет достаточно умным. Второй вариант – поить его уксусом вместо чая: железобетонно поумнеет, но есть риск, что почки отвалятся.

Костя поскрёб пальцем по краю планшета и бросил взгляд на Марию.

– Я бы предпочёл печеньки, – сказал он немного жалобно.

– А это уж не тебе решать, – громко рассмеялся Макс. – ЛАНДАУ, проведи симуляцию обоих вариантов.

На голограмме вспыхнули две клетки: на левой пигмент светился красными искрами, на правой – медно-оранжевыми.

– Вывожу результаты симуляции, – сказал ЛАНДАУ. – Селен: риск провала – 30%, защита от УФ-радиации – 80% и выше. Медь: риск провала – 15%, защита от УФ-радиации – 60%.

Все трое молча смотрели на результаты, которые не давали однозначного ответа. Мария перевела взгляд на Макса:

– Сколько времени займёт каждый вариант?

Тот надолго задумался: по меди уже есть наработки, поэтому он мог порыться в старых базах, но селен как база для пигмента был ещё не до конца изучен.

– Думаю, – медленно сказал он, – на медь около недели, на селен – три.

Мария нахмурилась. Ситуация была непростой: если она сейчас выберет неправильное решение, то они потеряют целый месяц. Но с какого решения стоило начать? Медь была менее рискованной и быстрой по срокам, селен был надёжнее, но если тесты провалятся, то три недели работы – коту под хвост.

– Тогда накидаю план по обоим вариантам, – предложил Мария, – а завтра уже решим.

Она села за стол и развернула на планшете научные статьи и исследования, пытаясь найти в них ответ.

Глава 10.

Мария, зевая, налетела на косяк, входя в лабораторию на следующее утро. Накануне они разошлись далеко за полночь, из-за чего времени на сон почти не было. Костя сидел, уткнувшись носом в кружку, его светлая чёлка плавала в кофе и стала золотисто-каштановой. Макс выглядел подозрительно бодро – в такие моменты начинало казаться, что он действительно машина, а не человек.

– Ну, что, Марья Николаевна, – спросил Макс, не отрываясь от компьютера, – по какому пути идём?

Мария прокрутила в голове оба варианта, сомнений не осталось – нужно идти в наиболее эффективный, медь будет потерей времени со слабым результатом.

– Синтезируем пигмент на основе селена.

– Мария Николаевна, он же токсичен, – нахмурился Костя, вытирая волосы. – Мы ведь не собираемся травить людей.

– Верно, токсичен, но в чистом виде. Мы просто изолируем его в белковых капсулах – так он не попадёт в питательную среду клетки.

Мария ещё раз пробежалась глазами по своим записям – исследования подтверждали, что вариант рабочий. Она выключила планшет и повернулась к Максиму.

– Мы с Костей пока будем выращивать клеточные колонии для тестов, а ты спокойно работай над алгоритмом.

Костя немного помялся и, упрямо посмотрев на Марию, спросил:

– Можно мне подготовить всё для тестов на меди? Если вдруг селен провалится, у Макса хотя бы будут все данные по меди, и он – хоба! – и сразу сможет писать код.

– «Хоба!» говоришь? – усмехнулся Макс и посмотрел на Марию. – Думаю, что будет нелишним.

Мария кивнула.

– Согласна. Тогда клеточные колонии на мне. Макс – код. Костя – на тебе сбор материала по меди. Работаем.

Макс отхлебнул кофе, который был всё ещё горячим, выругался на обожжённый язык и развернул пустое окно кода. На очередном провале теста он сделал ещё один глоток – кофе был практически ледяным. Макс с удивлением заглянул в кружку, не понимая, что происходит, и заново увяз в написании кода.

Через пять дней после начала работ Марию вызвали в Министерство, из-за чего ей пришлось уехать на целый день. Костя тогда безвылазно торчал в биоотсеке, одним глазом следя

за клеточными колониями, а вторым – читал научные статьи по меди. Периодически ему приходилось вытаскивать Макса на обед, так как тот совершенно потерял счёт времени.

К концу второй недели работы Макс окончательно утонул в пустых кружках из-под кофе, которые даже не старался мыть. С глухим стуком он уронил голову на стол.

– Гений, – отозвался ЛАНДАУ, – а я предупреждал, что твой мозг высохнет, если будешь пить столько кофе.

Макс упрямо ударил лбом об стол.

– Помог бы лучше с расчётом коэффициентов, умник.

– Не помню, чтобы в моих функциях значилось «Слуга инженера Ершова».

– Не помню, чтобы учил тебя быть жадным.

Курсор моргнул, и на экране появился огромный список цифр, графиков, уравнений.

– Не благодари, – прозвучал механический голос.

Макс пробежался глазами по формулам – всё не то.

– Мне нужно что-то простое, как пять копеек, – взвыл он. – Как у боксёра: бьют – блокируешь.

Он снова уронил голову на стол. Экран погас, а через секунду на нём осталось только логическое уравнение. Макс всмотрелся в формулу и перерисовал её пальцем в воздухе.

– Если порог селена достигнут – врубай защиту.

Формула была рабочей. Макс усмехнулся, с грустью удалил всё, что написал за эти дни, и начал заново.

К концу третьей недели на крышке биореакторов высветилась заветная фраза «Клеточные колонии готовы». Мария заглянула в кабинет – Макс сидел и мечтательно дирижировал трубкой в такт меняющейся голограмме, делая акцент на каждом слове «УСПЕХ».

– Можем запускать тесты на клетках?

Макс повернулся и расплылся в широкой улыбке.

Все трое собрались в лаборатории. Костя загрузил клеточную колонию №1 в инкубатор, проверил все датчики и вернулся к голографическому столу. На голограмме светилась увеличенная модель капсулы с пигментом, в которой бегали шустрые молекулы селена.

– ЛАНДАУ, – сказала Мария, – тестируем клетку в условиях полного истончения озонового слоя.

Капля с пигментом вспыхнула золотым светом, освещая клетку изнутри. Чем сильнее через клетку проходил поток излучения, тем ярче светился пигмент.

– Ну а я что говорил, – Макс не скрывал гордости. – ЛАНДАУ, фиксируй «УСПЕХ».

– Фиксирую: инженер Ершов сдурел от счастья и даже не заметил, что клетка нежизнеспособна. Время жизни клетки – 3 минуты.

Макс бросил взгляд на голограмму и увидел чёрные пятна некроза, которые изначально принял за пигмент – клетка была отравлена селеном. Макс побледнел и отвернулся от экрана.

Мария осела на стул – они потратили три недели на более рискованное решение.

– Тогда пробуем медь? – спросил Костя, переводя взгляд с Марии на Макса. – Я всё подготовил.

Мария помедлила. Они выбивались из графика, но других рабочих вариантов у них не было. Макс вздохнул, открыл новое окно кода и начал писать.

Глава 11.

Спустя неделю тесты на меди полностью провалились, поставив под угрозу весь проект. Костя уныло ковырялся в планшете, пытаясь найти хоть что-то полезное, Марию вызвали с отчётом к руководству, Макс, как всегда, сидел, развалившись на стуле, и внимательно разглядывал код.

После минутных раздумий он быстро набрал запрос на экране и вывел голограмму двух клеток. Слева – клетка, отравленная селеном: чёрные пятна некроза. Справа – клетка со сгустками меди, которые заблокировали её метаболизм.

Макс сунул в зубы трубку и нахмурился.

– Два трупа. Один умер через три минуты, второй – моментально.

Костя смотрел на голограмму с интересом.

– То есть селен всё-таки был лучше?

– Селен был рабочим, – кивнул Макс. – С ним клетка прожила дольше. Выходит, мы нашли правильную улику, но сделали не тот вывод.

Костя надел охотничью кепку, которую с трудом раздобыл в магазине, – он всё ещё не терял надежды стать Ватсоном. Макс усмехнулся на эту картину и продолжил:

– Наш преступник умён. Он пытается вести нас по ложному следу, чтобы мы отбраковали селен.

– Как если бы мы считали его одноногим из-за того, что увидели только один след?

Макс кивнул, а потом ткнул в сторону голограммы клетки с селеном.

– Как думаешь, на что это похоже?

Костя нахмурил брови, пытаясь уследить за ходом его мыслей. Явно ответ был не «отравленная клетка». Наконец, он выдохнул и сдался.

Макс затыкнулся воображаемым дымом и довольно произнёс:

– Почтовый ящик, полностью забитый письмами.

Костя бросил удивлённый взгляд на голограмму – и правда.

– А теперь, мой дорогой академик, скажи, что мы делаем, когда наш ящик забит письмами?

– Увеличиваем объём?

– Невозможно.

Костя задумался и зашагал из стороны в сторону по кабинету, сцепив руки за спиной. На очередном витке он замер и неуверенно спросил:

– Тогда, может, по папкам рассовать?

Макс хитро улыбнулся.

– Может быть.

Из-за спины послышался голос Марии:

– Не хочешь объяснить?

Макс от неожиданности подскочил, разлив при этом кофе и снеся стул. Все трое принялись вытирать стол салфетками, спасая технику. Когда они закончили, Костя не выдержал и спросил:

– Ну что там с почтовым ящиком?

Макс медленно сел на стул, сложил руки на коленях и выдержал театральную паузу.

– Система фильтров. Как на «Почте России».

– Что? – Косте показалось, что он ослышался.

– Смотрите. Сделаем, как на «Почте России»: сортировка, синтез и упаковка. Все отсеки отделены мембранами. Селен не задерживается в одной среде, а сразу идёт в следующую.

Мария, с интересом слушавшая их разговор, подошла к голографическому столу и набрала короткий запрос. Моментально выскочила моделька капсулы с пигментом, разделённая на три отсека. Мария повернулась к Максиму.

– Поработай ещё отдельно с мембранами. Если они случайно пропустят селен обратно, то вся система даст сбой.

Макс кивнул и сел за работу.

Глава 12.

В лаборатории в эти дни было тихо, так как каждый ушёл с головой в работу. Марию периодически вытаскивали на совещания, после которых она возвращалась, еле волоча ноги, и садилась за контрольные тесты для более точной калибровки оборудования, Костя поселился в биоотсеке, где следил за ростом клеточных колоний.

Почти две недели Макс с остервенением печатал код: мембраны не хотели вставать на своё место, из-за чего селен вытекал в клетку. Тесты проваливались один за другим, в глазах пестрело от постоянных ошибок. ЛАНДАУ монотонно вёл счёт провалам.

– Тест №341 – селен не перешёл в отсек синтеза.

Макс взвыл от безысходности, схватил курточку и вышел из лаборатории. Через два дня он вернулся с видом победителя и, забыв про кофе, сразу сел за работу. Когда Мария включила свет в лаборатории, Макс вздрогнул, перевёл на неё взгляд и сказал:

– Я сделал. Две недели и два дня.

Мария посмотрела сначала на длинную портянку алгоритма на экране, а потом перевела взгляд на дрожащие руки Макса и нахмурилась.

– Молодец. А теперь иди домой – завтра протестируем.

Макс попытался с ней поспорить, но ничего не вышло.

На следующий день к приходу Макса Костя уже успел подготовить клеточную колонию. Мария проверила оборудование и датчики. Все трое быстро выпили кофе и приступили к тестам.

На голограмме вспыхнула увеличенная модель капсулы с пигментом: три отсека, разделённые мембранами, через которые просачивались шустрые молекулы селена. Каждый раз, когда излучение проходило через клетку, молекулы начинали светиться ярче.

После шести часов ожидания Макс вытащил трубку, сунул её в рот и гнусавым голосом произнёс:

– Дело завершено. Преступник пойман и обезврежен.

ЛАНДАУ изобразил нелепый смешок:

– Спешу тебя расстроить, гений – придётся тебе открывать дело заново. Новое убийство. Причина – мембраны не выдерживают. Время жизни клетки – 6 часов.

Макс настолько удивился, что выронил трубку изо рта и начал быстро пересматривать результаты тестирования. Повернувшись к Марии, он заметил, что та сосредоточенно изучает строение мембран.

– Макс, – наконец, сказала она, – сможешь укрепить мембраны? Похоже, система отсеков – то, что нам нужно.

Макс раздумывал несколько минут, барабанил пальцами по столу, а потом открыл кусок в середине алгоритма и начал что-то туда быстро вводить. К середине следующего дня он уже прогонял виртуальные тесты на готовом алгоритме.

Когда под вечер Мария вернулась с совещания у руководства, решили сразу же проводить тесты на живых клетках, чтобы не тратить время. Алгоритм был загружен, система фильтров была встроена, оставалось проверить клетку на устойчивость к радиации. Мария бросила взгляд на часы – десять вечера. Она вытолкала Костю и Макса домой, а сама села ждать результатов тестирования.

В лаборатории был полумрак, мерно урчал инкубатор, периодически слышался стук чашки об стол, пока Мария пила кофе.

– ЛАНДАУ, у нас хоть что-нибудь работает?

– Вы, Марья Николаевна, – ответил он без запинки.

Мария рассмеялась.

– А остальные что же?

– Гений постоянно в игрушки играет – советую его пороть ремнём в воспитательных целях. Королёв старательный, но до запуска космических кораблей ему далеко.

– Звучит многообещающе.

ЛАНДАУ замолчал, анализируя показатели тестов.

– Марья Николаевна, идите спать. Я разбужу, если возникнут проблемы.

Мария поблагодарила его и легла на диван, укутавшись в халат.

На следующее утро Макс потряс её легонько за плечо. Она бросила на него сонный взгляд – Макс светился, как будто сделал открытие века.

– Жива, – только и смог сказать он.

Мария улыбнулась и поплелась в сторону лаборатории. Счётчик на голограмме показывал, что заканчивается десятый час эксперимента. Они налили себе кофе и сели ждать. Через два часа датчики зафиксировали чрезмерное накопление селена в отсеке синтеза.

Макс громко выругался, из-за чего получил подзатыльник от Марии. Костя уныло вздохнул:

– Выходит, опять ложный след?

Макс сначала с удивлением посмотрел на него, а потом вытащил трубку и ткнул ей в голограмму:

– Нет, просто наш преступник пытается избавиться от всех улик. Но у него получается довольно-таки плохо. Смотри.

Он вывел на экран три голограммы: селен в капсулах, система фильтров и укрепленные мембраны, а затем продолжил:

– Три трупа, но первый умер через 3 минуты, второй – через 6 часов, а последний – через 12. Мы точно идём по следу преступника.

Костя уткнулся носом в чашку с уже остывшим кофе и пробубнил:

– А дальше что?

Макс положил трубку на стол и медленно опустился на стул – ответа на этот вопрос он и сам не знал.

До позднего вечера они просматривали все научные базы по селену, но так ничего и не смогли найти. Наконец, Мария выключила планшет и посмотрела на свою команду – оба ждали её решения.

– Мы все устали за эти дни – нам нужно отдохнуть. Особенно тебе, Макс. А завтра на свежую голову обсудим все доработки.

Костя улыбнулся и поплёлся к выходу, Мария по дороге набрала Андрея. Макс замер в дверях, глядя вслед уходящим коллегам, а потом вернулся в лабораторию.

Глава 13.

Макс прошёл на кухню, налил себе кофе и включил компьютер. На экране вспыхнула приветственная надпись: «Проверь пульс. Если есть – работай». Макс усмехнулся и начал набирать сложные коды – экран заполнился выскакивающими сообщениями об ошибках.

– Что ты делаешь, гений?

– А на что это похоже? – не отрываясь от компьютера, спросил Макс.

Повисла пауза, после которой ЛАНДАУ произнёс:

– Взлом международных баз – это уголовное преступление. За такое, вообще-то, сажают в тюрьму.

Макс только усмехнулся.

– А тебе не всё ли равно?

– Нет. Без тебя скучно. Костя чересчур наивный, а Марья Николаевна – наше всё.

– Приятно быть твоим любимчиком.

Послышался короткий писк, шипение.

– Я серьёзно. Ты нарушаешь человеческие законы, гений.

– Гораздо страшнее нарушать законы физики. Есть какие-то лазейки? У меня не работает.

– У тебя не работает? Тогда советую тебе сжечь футболку и прекратить взлом базы NASA. Ты там ничего не найдёшь.

Макс удивлённо оторвался от экрана.

– Почему это?

– Потому что они живут по тем же законам природы, что и ты. Только в футах и дюймах.

Макс откинулся на спинку стула и устало закрыл глаза.

– Тогда выведи мне всё, что связано с пигментом. Даже то, что можно притянуть за уши.

На экране замелькали сотни и тысячи статей, научных работ, интервью с иностранными и российскими учёными. Макс открыл один глаз.

– Лень читать. Переведи, что ли, на литературный русский – остальное можешь запикать.

– Понял. Люцифераза, фоторецепторы растений, бактериородопсин.

Макс снова закрыл глаза.

– Я услышал только: «Дорогой гений, отформатируй меня, пожалуйста».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.